НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ФАНТАСТИКА

Л.В. Киселев

«Мещанина Никифора Никитина за крамольные речи о полёте на Луну сослать в отдалённое селение Байконур».

(Газета «Московские губернские новости», 1848)

Однажды, еще в приснопамятные советские времена, мне пришлось выступать на философско-методологическом семинаре с экскурсом в область научной фантастики, и у меня под рукой оказалась небольшая книжка литературного сообщества, выступающего под псевдонимом Владимира Гакова, ныне хорошо известного пропагандиста и издателя научно-фантастической литературы. Абсолютно не претендуя на вклад в этот весьма популярный жанр, я предпринял попытку пересказать кое-какие сведения, почерпнутые из упомянутого и некоторых других сочинений, ставя перед собой только одну цель – заинтриговать слушателей философского семинара. Актуальность темы тогда не вызывала больших сомнений, однако с тех пор и в научно-техническом прогрессе (НТП), и в литературной фантастике произошли колоссальные метаморфозы, и это, конечно, нынче не может не отражаться на расстановке «философических» акцентов. Мир современной «фэнтэ́зи» исключительно причудлив, но его связь с НТП становится все более и более виртуальной, изощренной и, пожалуй, античеловечной. Возвращаясь к данной теме, я хотел бы избежать недоразумения, и в заголовке статьи к слову «фантастика» должен был бы присоединить слово «классическая», надеясь, что это снимет с меня ответственность за все дикие причуды современной «фэнтэ́зи». Еще раз с полной ответственностью подчеркиваю, что в значительной степени все нижеследующее можно рассматривать как цитирование избранных мест из литературных первоисточников, составляющих классику мировой научной фантастики. Для ссылки на эти первоисточники вместо обычной библиографии я решил использовать иллюстрации к обложкам некоторых изданных в разные времена произведений научной и околонаучной фантастики.

Начнём с отрывков из двух стихотворений.

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть...
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков.
Там камни, как вода, кипят,
Горющи там дожди шумят...

(М.В. Ломоносов. «Утреннее размышление», 1743)

Ломоносова, величайшего учёного и поэта, конечно, нельзя назвать фантастом, но какой поистине фантастический по тем временам полёт мысли – мысли о полёте.

Нам казалось, мы кратко
блуждали,
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились – и нас не узнали
И не встретили в милой отчизне...

И никто не спросил о планете,
Где мы близились к юности
вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезёй ослепительно млечной!
Но в бесцельном, быть может,
круженье
Были мы, как избранники, нищи
И назад возвратились в сомненье
В дорогое, родное жилище...

(А. Блок. «Письмо моей матери», 1904)

Блока также не назовёшь фантастом, но какое предвидение, точнее говоря, предчувствие выражено здесь, в этих стихах, написанных задолго до первых космических полётов.

Таким образом, следует задать вопрос: кто, как и зачем сочиняет фантастическую литературу, и каково вообще отношение фантастики к НТП. Проблема эта исключительно многогранна, и здесь можно лишь попытаться дать краткую историческую справку о взаимоотношениях НТП и фантастики и отметить кратко их основные тенденции на современном этапе.

Следовало бы начать с определений. Что такое НТП – мы представляем, в особенности ощущаем в последнее время на себе его ускорение. Назначение научной фантастики в широком смысле – предвидеть Будущее. Можно по-разному трактовать категорию «предвидение» (и как прогноз, и как футурологию, предсказание), но, безусловно, фантастика, настоящая фантастика, хотя и не ограничивается никакими рамками воображения, но всё же должна опираться на реальную жизнь и те проблемы, которые возникают и в принципе могут возникнуть в обществе.

Бытуют две точки зрения на НФ. Одну из них сформулировал писатель А. Днепров: «*Хорошее*

научно-фантастическое произведение – это интересная научная мысль в добротном литературном воплощении».

Другая высказана А. Громовой, и её поддерживают, например, братья Стругацкие:

«Фантастика не ставит своей целью пропаганду научных идей; писатель-фантаст, проводя мысленный эксперимент в области социологии, моделирует ситуацию, которая может возникнуть при соблюдении определённых условий».

Современная фантастика всё более склоняется ко второй точке зрения, но не потому, что таков общий принцип, а скорее потому, что это даёт возможность строить сколь угодно абстрактные картины будущего и снимать с себя ответственность за вольнодумство. Вот что сказал А. Кларк по этому поводу: *«За последние 30 лет (*говорилось в 1960-х годах. – *Л.К.) в десятках тысяч рассказов и романов исследованы все мыслимые варианты будущего – и большая часть немыслимых тоже. На свете осталось мало такого, что в принципе может случиться и что не было бы описано в какой-нибудь книге или журнале. Критическое чтение научной фантастики чрезвычайно полезно с познавательной точки зрения всякому, кто хочет заглянуть вперёд более чем на 10 лет. Люди, не знающие, о чём мечтали в прошлом, вряд ли способны составить элементарное представление о будущем».*

Фантазия необходима не только писателям-фантастам, она необходима и тем, кто двигает НТП. Приведём высказывание академика Г.И. Петрова: *«Я убеждён, что планировать науку с математической точностью нельзя. Даже метод экспертных оценок, когда отбрасываются крайние значения, может быть использован весьма ограниченно. История*

науки знает примеры, когда, отбрасывая "крайних" (сжигая их, к примеру, на костре), наука сама отбрасывалась назад на столетия. И вообще, в нашем деле главное – не предвидение, а фантазия. Фантазия должна быть главным качеством учёного, она порождает идею, а идея движет наше знание». Высказывание это, на мой взгляд, спорно: не каждому учёному может быть дано право «витать в облаках», ведь кто-то должен быть в науке и «ассенизатором». А зачастую именно они, «ассенизаторы», руководствуясь высшей идеей, и являются истинными двигателями прогресса.

Теперь остановимся на основных тенденциях в фантастике, опираясь на всю её предшествующую историю. Можно выделить следующие сферы, точнее говоря, этапы, в которых фантастика проявила себя наиболее ярко. Это:

- полёты в космос на различных летательных аппаратах или без них;
- робототехника и искусственный интеллект;
- поиск внеземных цивилизаций, т. е. «братьев по разуму»;
- экология во всех её проявлениях;
- будущее земной цивилизации и возможная её гибель в результате всепожирающей войны.

Жанр фантастики исключительно разнообразен по стилю: это и романы с глубокими философскими и социальными проблемами, повести и рассказы с лирико-романтическим содержанием, произведения-предостережения, притчи, комиксы, боевики и т. п. Есть произведения гуманистические и реакционные, причём процент веры в светлый исход значительно уступает мрачным предсказаниям Грядущего.

Начнём с полётов в космос. Это, пожалуй, самая богатая и хорошо разработанная тема. Она базируется на вечной мечте человечества оторваться от земли и воспарить в беспредельном пространстве. История рождения различных идей о полёте и претворения их в жизнь богата множеством парадоксов, курьёзов, гонений и озарений, столкновений, прозорливости и слепоты. Приведём примеры.

Более всего писалось о полётах на Луну. Кто только и как только не летал туда, какие только фантазии не породила страсть опуститься на Луну или хотя бы просто взлететь над Землёй. Одним из первых, не считая Икара, был монах Роджер Бэкон (XIII в.), который хотя и не решился открыто опубликовать свои фантазии, но не побоялся сберечь их для потомства, а спустя 400 лет философ Френсис Бэкон первым высказал идею НТП в произведении «Новая Атлантида» и изложил множество чисто технических догадок.

В 1640 г. епископ Джон Уилкинс фантазировал: *«Изобретение снаряда, при помощи которого можно подняться на Луну, не должно казаться нам более невероятным, чем казалось невероятным, на первых*

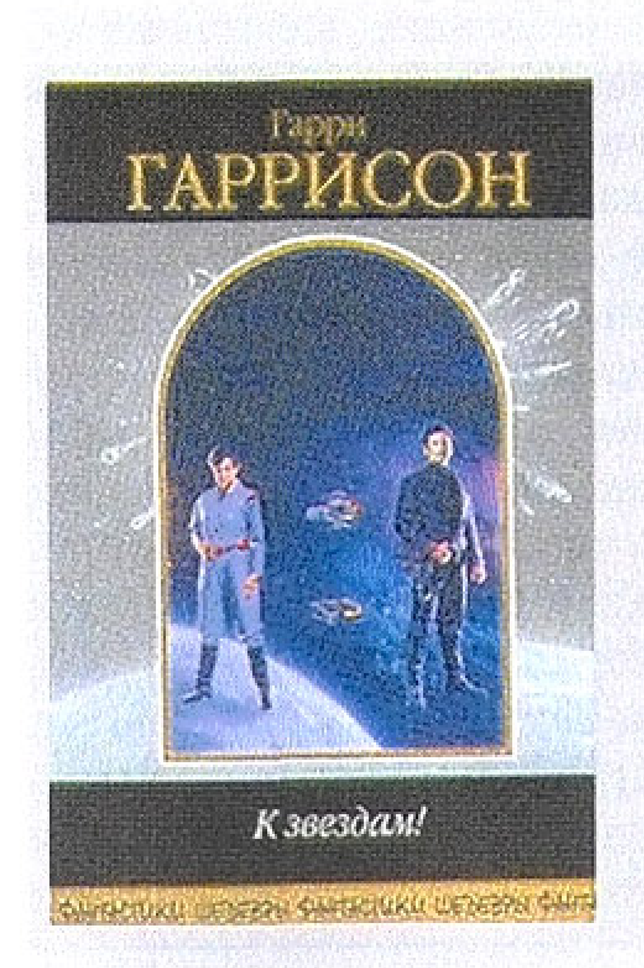
порах, изобретение кораблей, и нет поводов отказываться от надежды на успех». А в 1926 г., за год до запуска первой ракеты на жидком топливе, один профессор в Англии (Бикертон) писал: «*Глупейшая идея выстрела на Луну – пример тех предельных абсурдов, до которых доходят учёные, работающие в "мысленепроницаемых" отсеках, в полной изоляции друг от друга»*.

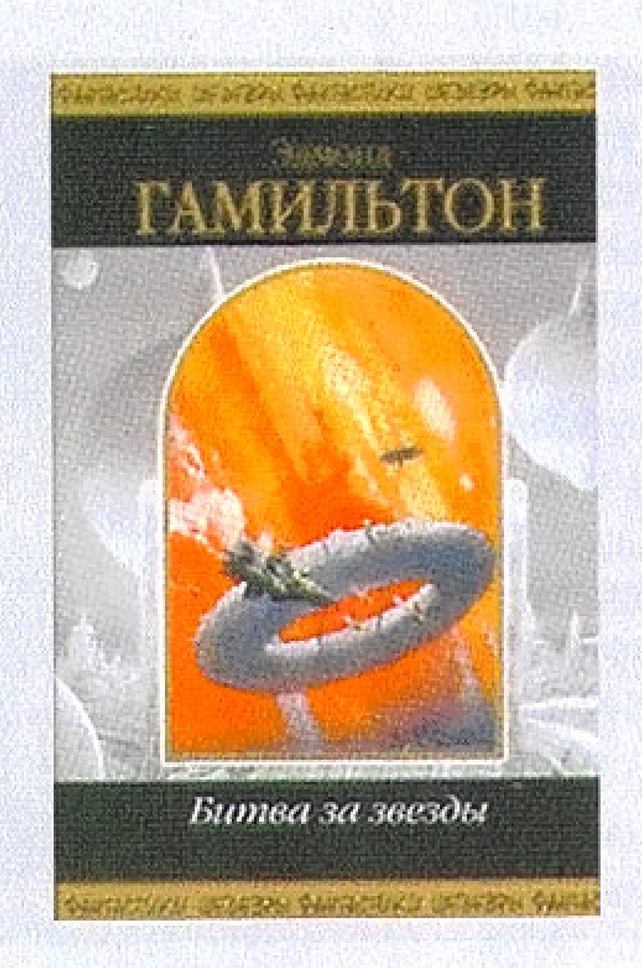
О полёте на Луну писали Иоган Кеплер, Жюль Верн, Эдгар По, Герберт Уэллс, Сирано де Бержерак и даже Вильгельм Кюхельбекер. В 1926 г. американский инженер-изобретатель Р. Годдард запустил первую жидкостную ракету, о нём перед этим «New York Times» писала: «*Этот профессор Годдард, по-видмому, не слыхал о законе равенства действия и противодействия. Ему, несомненно, придётся подыскать себе что-то посолиднее вакуума, чтобы его ракете было от чего отталкиваться»*. В 1969 г. та же газета после старта ракеты на Луну писала: «*Теперь надо признать за абсолютно установленный факт, что ракеты в вакууме двигаться могут. Газета приносит своим читателям извинения за допущенную ошибку»*. А американским космонавтам, которые первыми побывали (*возможно. – Л.К.*) на Луне, был вручён главный приз журнала американской фантастики «Science Fiction», основанный в 1926 г., и при его вручении было сказано: «*За лучшую из когда-либо осуществлённых посадок на Луну»*.

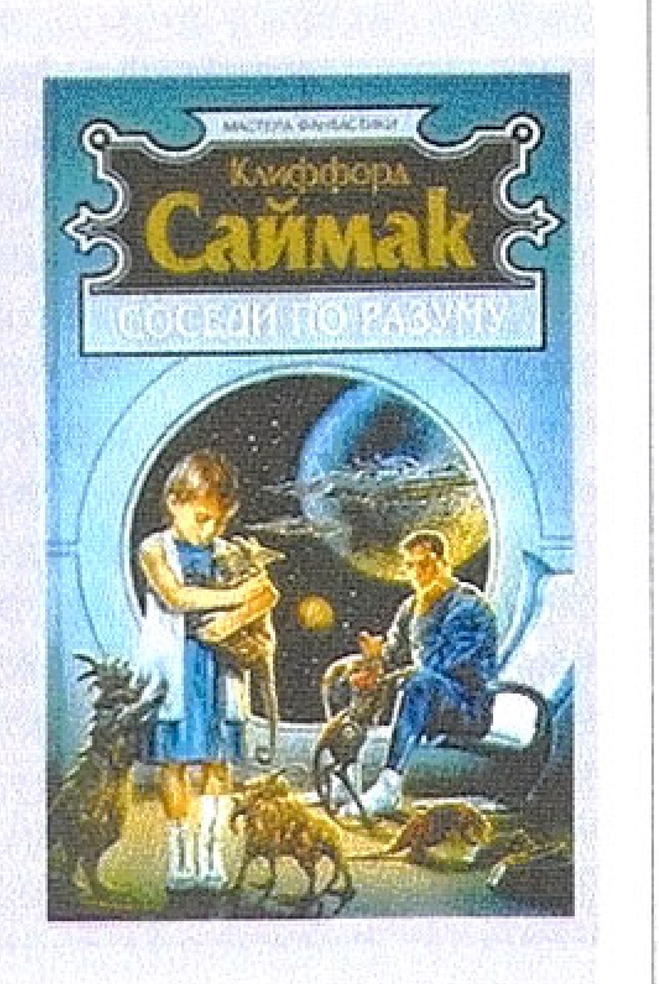
Когда тема полётов на Луну была исчерпана, фантасты взялись за Марс, Венеру, а затем и другие планеты. С увеличением расстояний менялись и средства доставки. При этом высказывались вполне трезвые идеи и явно бредовые. В конце прошлого века, когда возник кризис жанра, Герберт Уэллс вдохнул в него новую жизнь. До сих пор земляне летали в Космос или ради любопытства, или с благотворительной целью. Уэллс всё перевернул – полчища космических пришельцев ринулись на Землю, чтобы растоптать её и уничтожить. При этом Уэллсу удалось соединить знания специалиста и талант писателя и, кроме того, породить идею-предупреждение о гибельности бездумного научно-технического прогресса. Надо сказать, что фантасты первыми почувствовали угрозу, которую несёт с собой бесконтрольное развитие техники. Используя широкие возможности жанра, писатели стали вкладывать в фантастические сюжеты социальные и нравственные аспекты. Именно к этой категории следует отнести произведения А. Толстого, И. Ефремова и, если говорить не только о Космосе, то и А. Беляева, А. Грина, Г. Адамова и др.

Одним из первых за пределы Солнечной системы вырвался К.Э. Циолковский, который вместе с научными статьями писал также и фантастику. И если до сих пор космические путешествия были лишь плодом воображения, то теперь они становятся реальными, и в космической фантастике начинается перелом. Но отнюдь не в лучшую сторону.

Первый выход к звёздам состоялся в 1928 г. в романе американца Э. Смита «Космический жаворонок», который не был литературным шедевром, но расширил границы дозволенного. Путешествия в «гиперпространство» хлынули как из рога изобилия. Надобность в технических средствах межзвёздных сообщений отпала в том смысле, что в этом арсенале были средства на любой вкус: электрические, ионные, атом-





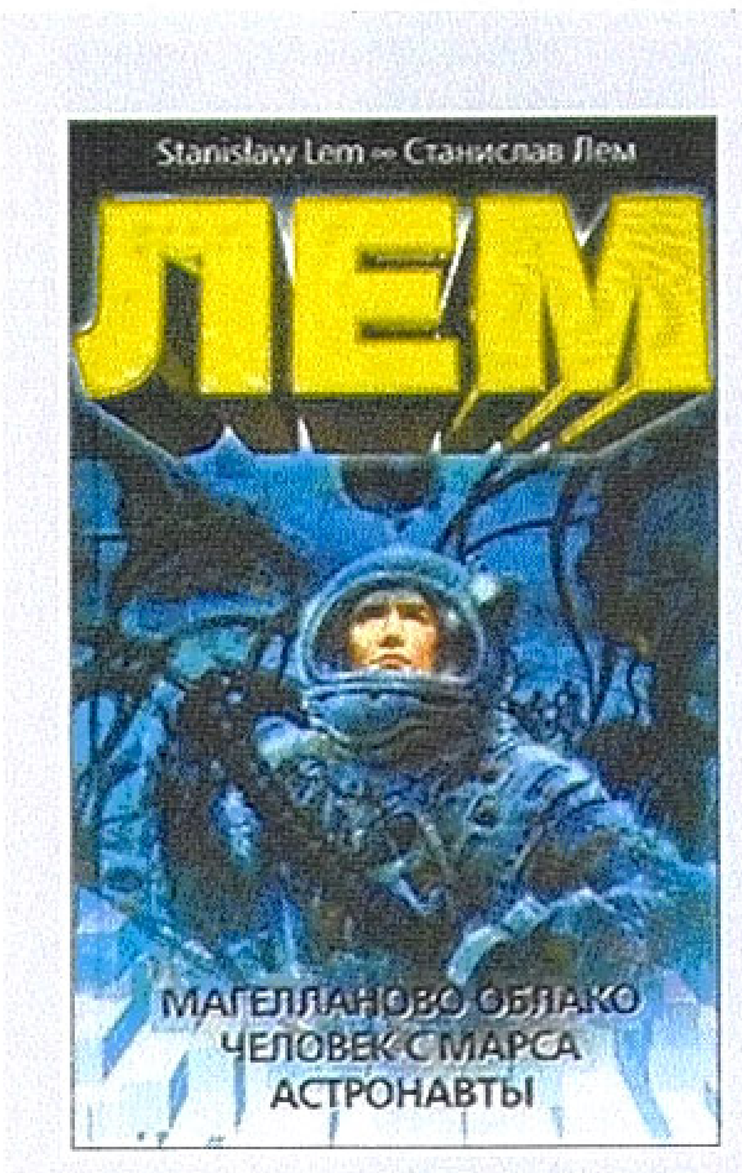


ные, фотонные межзвёздные корабли, межпланетные станции, космические флотилии, корабли-ковчеги, индивидуальные звездолёты-малютки и т. п. Последний этап космической темы – звёздные войны. Армады военных звездолётов, целые планеты, подвергающиеся бомбардировке ракетами с фантастической «сверхвзрывчаткой» и т. п. Общая тенденция выражена в фильме «Звёздные войны». Американские фантасты, работающие в этом направлении – Г. Диксон, П. Андерсон, Р. Ханлайн, Г. Гаррисон, Э. Гамильтон, К. Саймак. Советские фантасты, естественно, выступают с иных позиций. Свои усилия они направляют на поиск внеземных цивилизаций и установление с ними дружественного контакта. Некоторые из них идут ещё дальше – пытаются установить на других звёздных системах светлое коммунистическое будущее (например, И. Ефремов, А. и Б. Стругацкие).

В русской литературе сильны гуманистические традиции. Вот, например, образец, принадлежащий Валерию Брюсову:

Я жду, что, наконец, увижу шар
блестящий,
Как точка малая затерянный
в огнях,
Путём намеченным к иной Земле
летящий,
Чтоб братство воссоздать
в разрозненных мирах.

Следует отметить, что в большинстве произведений контакт с «братьями по разуму» рисуется довольно шаблонно, примерно по следующей схеме: машина-лингвист с равной степенью точности превращает в земные слова и язык мерцаний и цветовых переливов вегажителей, и свист каких-нибудь альтаирцев, и безмолвную передачу мыслей и образов высоколобыми пришельцами из беспредельного Космоса. Строй их мыслей аналогичен человеческому, и вот уже завязалась оживлённая беседа – контакт состоялся. Исключение составляет, пожалуй, Станислав Лем. В таких его произведениях, как «Солярис», «Эдем», «Магелланово Облако» и др., человек пытается не просто установить формальный контакт с принципиально иной цивилизацией, но и понять нечеловеческую сущность совсем иной жизни.



Теперь перейдём к роботам. Научная фантастика о роботах ведёт начало с «Франкенштейна», написанного Мэри Шелли в 1818 г. Основная идея романа: учёный создаёт искусственного двойника, который обретает свободу воли и поднимает бунт против своего создателя. В образы вложены философские мысли о степени подвластности Человеку Прогресса вообще.

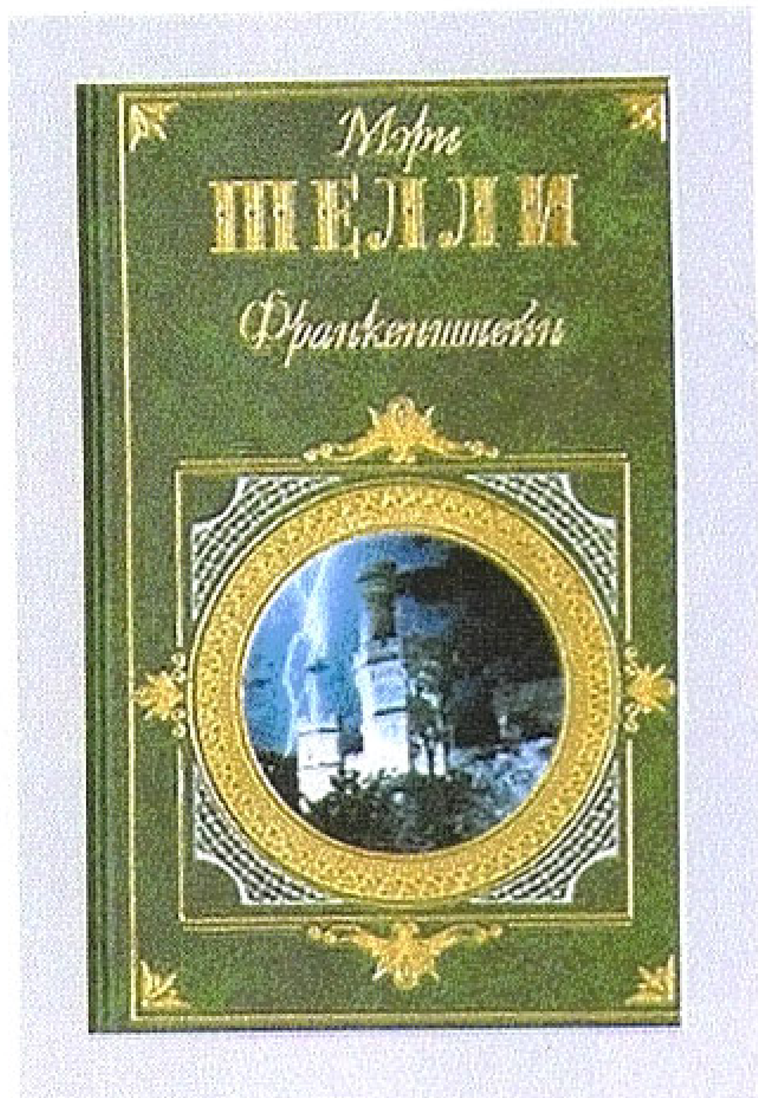
Роман открыл целую серию аналогичных произведений, в которых существа, созданные с благими намерениями по образу и подобию человека, осознают себя, приходят в противоречие с человеческой моралью и гибнут. Таков, например, Голем из произведения Г. Мейринка (1915),

андроидный глиняный истукан, созданный как помощник человеку и гибнущий в результате испытания на совесть. Следующий, весьма крупный шаг сделал К. Чапек, который не только дал имя искусственным созданиям, но и поднял проблему отношений с ними на новый уровень. Если все предыдущие образы олицетворяли так или иначе человека, то Чапек человека выкинул и оставил только механическую оболочку. Кроме того, он придал проблеме сатирический характер. После этого роботы, а они непременно изображались злодеями, пошли на человека железной поступью. Введённый Чапеком образ вскоре превратился в стереотип: с каждым новым рассказом создавался очередной робот-исполнитель, который платил своему хозяину чёрной неблагодарностью. Вот идеология, которую Чапек вложил в уста роботов: «*Мы хотели быть как люди. Хотели стать людьми. Вы дали нам оружие. Мы не могли не стать господами. Надо убивать и властвовать, если хочешь быть как люди. Читайте историю! Читайте книги людей! Надо властвовать и убивать, чтобы быть людьми*».

В 1939 г. за проблему взялся А. Азимов. Он решил переделать роботов, а точнее говоря, снова превратить их в людей с библейской моралью. В сборнике «Я, робот» (1950 г.) сформулированы три закона поведения роботов, получившие название трёх законов роботехники:

- каждый робот должен любить своего ближнего;
- робот должен подчиняться законам, обычаям, правилам;
- каждый робот должен обладать инстинктом самосохранения.

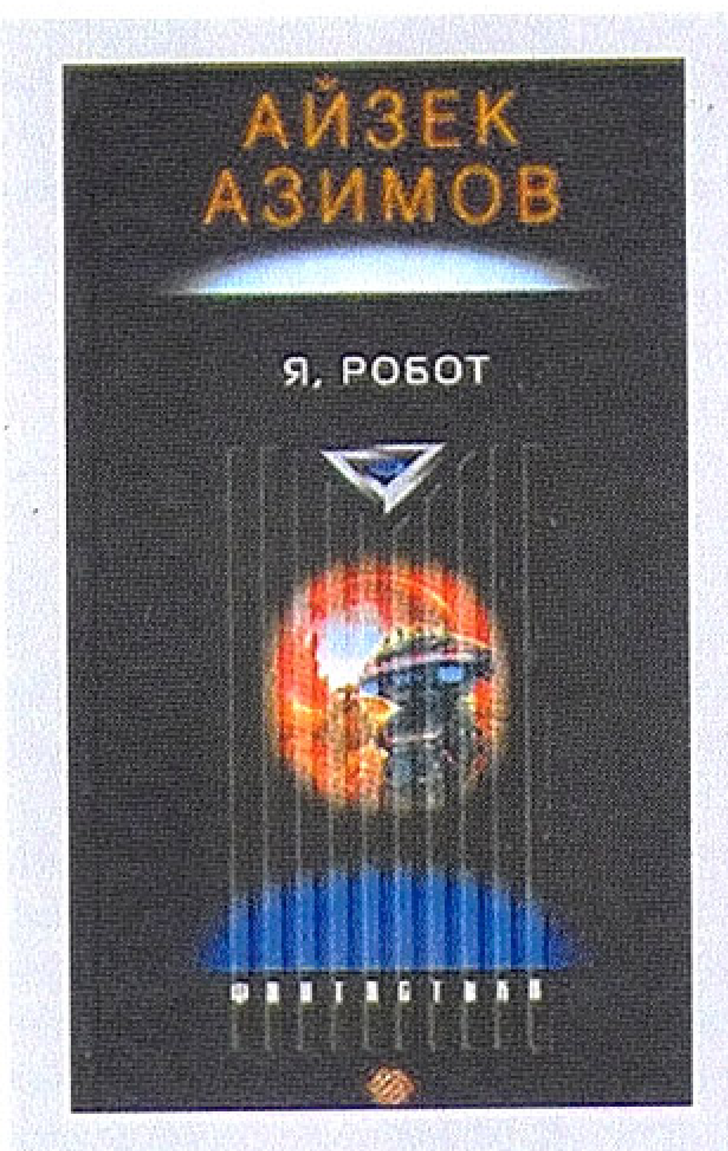
Сам А. Азимов выражал своё кредо так: «*Было время, когда перед лицом Вселенной человек был одинок и не имел друзей.*



Теперь у него есть помощники, существа более сильные, более надёжные, более эффективные, чем он, и абсолютно ему преданные».

А. Азимов открыл «золотую жилу» для фантастов. С его лёгкой руки роботы освоили все человеческие профессии, какие только существуют на свете.

Вот краткий перечень профессий роботов: роботы-слуги, спортсмены, судьи, учителя, попы, писатели, космонавты, домохозяйки, няньки, борцы за права человека, повара, врачи, военные, роботы-полицейские, роботы, выполняющие функции животных, и т. д. и т. п. Почему-то совершенно отсутствуют в фантастике подводные роботы, если не считать пионерных научно-технических произведений В.С. Ястребова и близких к ним. Есть даже роботы, не желающие «умирать», и роботы, сами пришедшие к самосознанию. Впрочем, последние были уже раньше, но там их такими сделал человек-создатель, а здесь они эволюционировали. В типологическом разнообразии роботов существует несколько классов, с десяток подклассов, около сотни групп и несколько тысяч видов, и на всех стоит клеймо «Сделано Азимовым». Иными словами, роботы стали людьми со всеми их противоречиями, заботами, нравами. Вот как отнёсся ко всему этому С. Лемм: «*Я простил Азимову многое, но не законы робототехники, ибо они сознательно фальсифицируют картину существующих возможностей. Азимов просто вывернул наизнанку старую парадигму: традиционный злодей обернулся голубым этическим героем*». В последние годы волна роботов в фантастике слабеет, их, так сказать, звёздный час проходит. На смену им приходит «Машина», некий обобщённый образ компьютеризованного создания, образ, не имеющий человеческого подобия, но способный мыслить некими абстрактными искусственными мозгами. Сам по себе образ всепожирающей, абсолютно бесчеловечной машины, вышедшей из повиновения, не нов. Нечто подобное было изображено В. Брюсовым в рассказе «Восстание машин», в рассказе австралийской писательницы Харби «Метрополис» и др. В этих произведениях



докибернетического периода бунт машин носил стихийный характер, а фатальная зависимость человека от машины-деспота порождала декадентские, упаднические настроения. Это нашло своё отражение и в поэзии. Вот пример – стихотворение поэта Волошина:

Машина победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать
ей пот,
Чтоб умащать промежности
елеем,
Кормить углём и принимать
помёт.
И стали ей тогда необходимы
Кишащий сгусток мускулов
и воль,
Воспитанный в холодной
дисциплине.
И жадный хам, продешевивший
дух,
За радости комфорта
и мещанства.

Кибернетика и искусственный интеллект внесли новый дух в представление о роли Машины в общественном бытии. В современной фантастике эта струя несёт в себе смесь мрачных прогнозов, сатиры или, в лучшем случае, одной иронии. Фантастами разыгрываются в основном три роли глобальных киберсистем:

- информационная кладовая, «справочное бюро» (всевозможные Информатории, Большие мозги, суперкомпьютеры и т. п.);
- военный стратег;
- машина-диктатор.

Развитие символов идёт в основном по линии расширения масштабов и придания мыслящей субстанции небывалых доселе форм. Литература насыщена мыслящими растениями, жидкими и газообразными интеллектами, есть даже размышляющая плесень. Изобретена нейтронная программируемая звезда. Такой оборот жанра не может не вызвать едкую иронию со стороны наиболее гуманистически мыслящих фантастов. Вот, например, рассказ «Бедный супермен» Ф. Лейберца; суть его в следующем: «*В недрах гигантского компьютера, с которым постоянно советуются члены правительства, светила науки и т. п., скрыта маленькая комната, в которой сидит толстячок в одних трусах, потягивает холодное пиво и отстукивает на пишущей машинке ответы*».

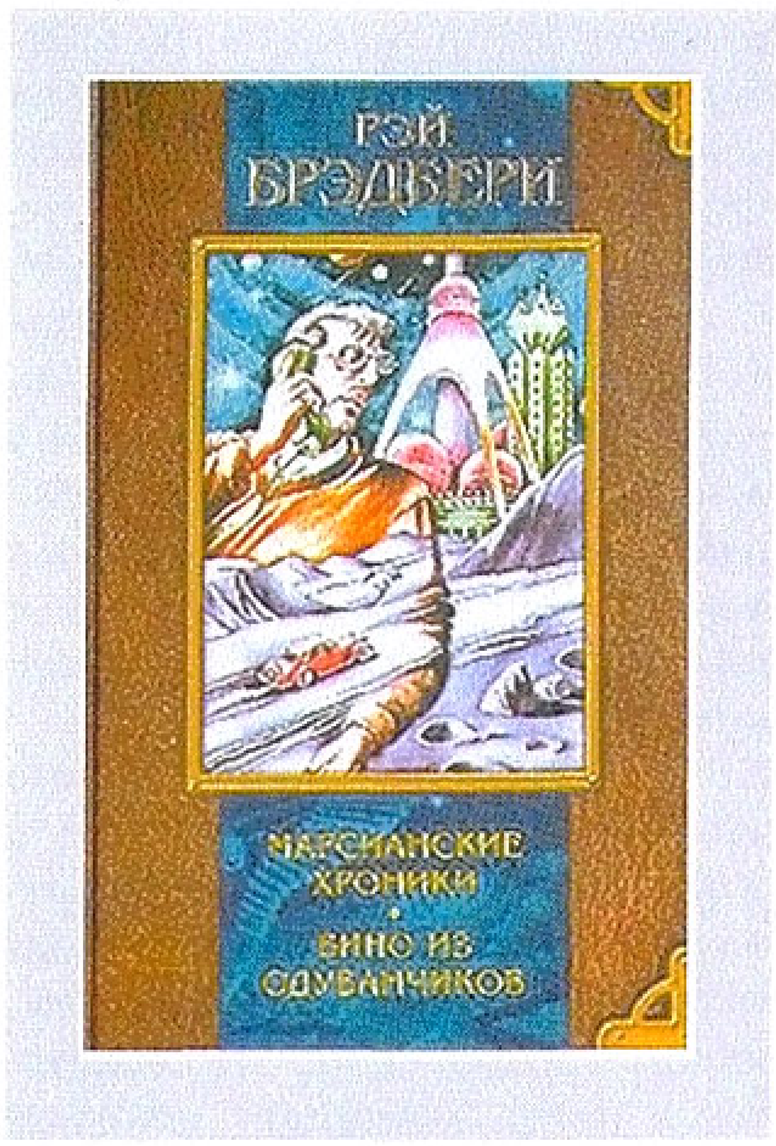
В рассказе А. Кларка «9 миллиардов» говорится о том, как сверхкомпьютер методично перебирает различные комбинации букв алфавита, чтобы узнать имя Всевышнего, и когда возникает искомая комбинация, Всевышний даёт о себе знать – на небе гаснут звёзды. Ситуацию подытожил писатель К. Эванс: «*Недалёк тот день, когда компьютер, в памяти которого будут храниться все когда-либо созданные произведения научной фантастики, засядет за работу: будет писать окончательный, итоговый научно-фантастический роман, не сомневаюсь, что героем его будет Машина*».

Перейдём к экологии или, точнее говоря, к тому, как её теперь называют – «экокалипсис». Ещё Ж. Верн, страстный поклонник техники, писал: «*Настанет день, когда деревья будут из металла, луга – из войлока, а морские побережья – из металлических опилок*». Однако на протяжении многих десятилетий никакой проблемы с охраной окружающей среды не было, хотя явные признаки её уничтожения появились не сегодня. Ни правители, ни учёные, ни фантасты не принимали это всерьёз, а между тем кризис развивался лавинообразно. В научной фантастике тема взаимодействия человека и природы отражалась, по сути дела, в одном направлении, т. е. в направлении придумывания стихийных природных катастроф, приводящих к гибели человечества. Наибольшую лепту здесь внесли англичане Г. Уэллс, Конан Дойль, Дж. Уиндем, Б. Олдисс и Дж. Боллард. Последняя тройка возглавила течение в фантастике под названием «Новая волна», и эта новая волна, надо сказать, уже давно отхлынула.

Как утверждают критики современной НФ, проблема сохранения окружающей среды всеми, в том числе и писателями, была в своё время «прошляплена», и сейчас в фантастике навёрстывается упущенное. Счёт начинается приблизительно с 1960-х гг. Можно провести в принципе сравнение, параллель: где природа быстрее регрессирует – в фантастике или в реальности? Вопрос отнюдь не праздный. Как известно, в настоящее время под угрозой экологической гибели находятся все земные стихии: и почва, и атмосфера, и Океан. О диалектике освоения Океана мне уже приходилось когда-то рассказывать на нашем семинаре. С тех пор, надо сказать, особых изменений нет, зато значительно усилилось загрязнение отходами производства. Принимаются законодательные меры об охране флоры и фауны, но вряд ли этим будет достигнут ощутимый результат. Многие писатели-фантасты (речь идёт о зарубежных авторах) нагнетают в своих произведениях и без того довольно мрачную картину. К одним из наиболее ярких произведений можно отнести роман Г. Гаррисона «Подвиньтесь! Подвиньтесь!». По этому роману был снят фильм «Зелёный Сойлент», который никто из нас, по-видимому, не смотрел. Вот фрагмент из рецензии на этот фильм, точнее говоря, на кинопредисловие. Выдержка довольно длинная, но весьма любопытная.

«*На экране под аккомпанемент неторопливой приятной*

музыки – выцветшая от времени фотография. Семейный портрет конца прошлого века: дамы в платьях с турнюрами, мужчины лихо подкручивают усы. Благословенная викторианская пора! Ещё долгий стоп-кадр: фотография первого автомобиля. Ещё снимок, потом другой, третий ... Кадры всё бегут, быстрее и быстрее, кое-где перемежаясь кинохроникой: прогресс. Меняется и музыка, становится резче, но для тревоги пока нет никаких оснований. Станки, первые аэропланы, извозчики на городских улицах сменяются редкими авто. Растут города. Гуще, чернее дым от городских труб. Вот уже машины мелькают на улицах, как муравьи. Растёт количество потребителей мясных консервов и пива в банках – и громоздятся Хеопсовы пирамиды из пустых жестянок. Меняется мода на автомобили – и вздымаются, закрывая небо, знаменитые автомобильные кладбища. И когда от неспешной, бесхитростной мелодии не остаётся и следа, – её сменяет какофония из звона, скрежета, грохота, – начинается подлинная вакханалия, валтасаров пир прогресса. После Второй мировой войны – расцвет химии. Яды, ртуть, вредные фосфаты, радиоактивные отходы, токсичные кислоты, мусор, ДДТ и гербициды – всё это течёт в океан, выбрасывается в небо, распыляется с небес, впитывается в почву. Рядом – кадры варварской бойни, но не на полях сражений только что прошедшей войны, а на обычных полях, в лесах, на реках и озёрах: сотни трупов животных, эвересты загубленной древесины, тухлая рыба на поверхности водоёмов. Стали, бетона всё больше, а биосфера тает на глазах. Уже в невероятном темпе сменяются кадры, ритм жизни растёт, и постепенно утрачивается понимание самого этого слова – «жизнь». И вдруг – резкий обрыв. Опять чередуются долгие стоп-кадры, на этот раз – в гробовом молчании. Мир начала третьего тысячелетия, конечная остановка поезда прогресса. Безлюдные, безжизненные пустыни, кладбищенский вид: обрубки деревьев, словно кресты на фоне серого неба. Мираж, просвечивающий сквозь мутное марево город, покрытые липкой нефтяной кашицей воды океана, они накатывают на берег, на сотни метров заляпанный ядовитой тиной из химических отходов. И ни одного живого существа, кроме людей с землисто-серой кожей, забившихся в ненадёжные отныне крепости-города».



Удивительный, трагический переход. Человечество в фильме из агрессора превратилось в затравленную жертву. Без пищи, без воздуха, без какой-либо жизни рядом с собой. А сам переход из идиллического спокойствия к кошмару почти неразличим. Не знаю, стоило ли приводить столь длинную цитату, но в ней, как в зеркале, – вся не такая уж фантастическая картина Грядущего.

Сейчас эта тема весьма модна на Западе, каких только «сюрпризов» не показывают фантасты, откуда только не идёт гибель: и от бактерий («Штамм Андромеды» М. Крайтона и др.), и от недостатка кислорода, и от ядовитых газов. Многие из наиболее реалистичных книг принимают ярко выраженную социальную направленность. Советская фантастика в этом амплуа выглядит гораздо оптимистичней. В рассказах-предупреждениях (А. Шалимов, С. Гансовский, К. Булычёв, А. и Б. Стругацкие и др.) рисуется розовое будущее, когда все меры вовремя приняты, бактерии упрятаны, воздух очищен, живой мир сохранён. Люди проявляют благоразумие: лес не уничтожают, океан не загрязняют. Земля – сплошной заповедник, и этот заповедник простирается чуть ли не на всю Галактику.

Остался ещё один вопрос – о последствиях глобальных войн. В плане партии Будущего он не отличается существенно от «экокалипсиса», разница лишь в формах и, так сказать, в быстродействии. Здесь фантастика вплотную подходит к полити-

ке и от собственно фантастики почти ничего и не остаётся. Предсказывать здесь Грядущее – ума большого не надо, можно лишь моделировать различные ситуации.

Итак, куда идёт мир в представлении современной фантастики? Вопросов здесь больше, чем ответов. Каковы будут последствия всеобщей автоматизации? Сможет ли человек сохранить свою индивидуальность? Не приведёт ли это к полной девальвации культурных ценностей? Не повлечёт ли это за собой окончательного отрыва от природы?

Процитируем некоторые высказывания ведущих фантастов, представляющих, образно говоря, «больную совесть человечества». Рэй Брэдбери, сторонник теории конвергенции (врастания) говорит:

«Россия меняет свои убеждения под влиянием развивающейся техники и индустриализации и начинает походить на США, как США под натиском требований и нужд масс некоторыми своими сторонами начинает походить на русское общество. Хотим мы этого или нет, но это будет происходить независимо от того, чего желает каждая из наших стран и чем они стремятся быть, до тех пор пока одна не станет зеркальным отражением другой. Те из нас, кто наблюдает, поняли, что этот процесс начался уже много лет назад. Для всего человечества это будет только выгодно».

Вот что думает С. Лем:

«Тенденция к автоматизированному производству, которым, в свою очередь, управляют предельно надёжные автоматы, объективно может толкнуть человека к тому, что комфорт станет самоцелью. Прогресс, эволюцию сменит инволюция».

И ещё: *«Встреча с Неизвестным должна породить целый ряд проблем познавательной природы, природы философской, психологической и моральной. Решение этих проблем силой, например, какой-то бомбардировки неизвестной планеты, ничего, естественно, не даст. Это просто уничтожение явления, а не концентрация усилий для того, чтобы его понять. Люди, попавшие в это Неизвестное, должны будут постараться понять его, постичь. Может быть, это удастся не сразу. Может быть, потребуется много труда, жертв, может быть, их ждёт много недоразумений, даже поражений».*

Оптимистический взгляд в будущее, хотя и полон тревог и сомнений.

В заключение хотелось бы особо отметить еще один аспект научной или, точнее сказать, околонаучной фантастики – это «кибернетическая», «космогоническая» и вообще технократическая поэзия, проявившая себя в виде мутанта из «физики» и «лирики». Жанр этот берет начало со времен Гомера, а может быть, и Дедала с Икаром, но пышным цветом расцвел после того, как в обычную жизнь землян вторглись «антимиры». Андрей Вознесенский, внесший свою специфическую лепту в синтезированный жанр, так и назвал одно из своих иронических сочинений – «Антимиры». Многие российские футуристы, акмеисты, шестидесятники отдали поэтическую дань и звездным пространствам, и марсианам, и неисчерпаемости электрона, и божественно-фантастической связи всего сущего в мироздании. Один из главных идеологов декадентства, упоминавшийся уже Валерий Брюсов, называл свои «пророческие» сочинения так: «Сын Земли», «При электричестве», «Машины», «Мир N измерений», «Дворец центромашин», «Мир электрона». А вот характерный отрывок из его стихотворения «Жизнь»:

Сверкает жизнь везде, грохочет
жизнь повсюду!
Бросаюсь в глубь веков, –
она горит на дне...
Бегу на высь времен, –
она кричит мне: буду!
Она над всем, что есть;
она – во всем, во мне!

О братья: человек! бацилла! тигр!
гвоздика!
И жители иных непознанных
планет!
И духи тайные, не кажущие лика!
Мы все – лишь беглый блеск
на вечном море лет!

На восклицательных знаках автор этого стихотворного пафоса, как видим, не экономил. Заканчивая беглый экскурс в мир поэтической фантастики, а также и в другие столь же экзотические миры, хочу привести еще один стихотворный фрагмент, принадлежащий классику русской поэзии – Н.А. Некрасову.

Телеграф, микроскопы,
газ, асфальт, дагерротип,
светописные эстампы,
переносный сжатый газ,
гальванические лампы,
каучуковый атлас,
паровозы, пароходы,
летоходы, весоходы,
страховых компаний тьма,

пневматические трубы,
стеарин и спермацет,
металлические зубы,
сбили с толку целый свет...
Нет для нас уж тайны в море:
были на его мы дне,
кто же знает? Может, вскоре
побываем на Луне.

(Н.А. Некрасов.
«Наш век», 1840)

К поэтическим шедеврам это отнести вряд ли возможно, но ведь и – ни одного восклицательного знака!